

В нарастающем волнении стал высматривать, как удобнее перейти дорогу с чудовищным ледяным накатом, чтобы скорее добраться до автобусной остановки. Вдоль тротуара с лотков торгуют яркими игрушками. У длинного забора расположился мужик в красном колпаке, навязчиво предлагающий вечнозеленые деревья радости для праздника, который придет лишь через месяц... Какие кубышки?!

2013 г.

СТАРИК И ГОРЕ

«Стойбенные эвенки — правильные, настоящие эвенки», — считает Захар. Поэтому, как настоящий, он в поселке больше месяца не задерживается. Его будто кто гонит: «Без тайга и водка не кусный» — разоблачил он поселковую жизнь и умотал в стойбище.

Конечно, в поселке коммерческий ларек круглосуточно работает, а днем еще и два магазина. Здесь свет по проводам и телевизор. Даже баня есть, а Захар не против бани. Иные из эвенков, кто похозяйственнее, огороды завели, а некоторые и теплицы. Машины имеют, «Бураны», почитай, у каждого — ночью в ларек ездить сподручно. Словом, от жизни стараются не отставать. Поэтому в тайге бывают лишь наскоками — пропала надобность безвылазно там куковать. А нынче соболек шел неважно, так старики, ровесники Захара, в тайгу и не ходили. Однако — что, по мнению Захара, для эвенка самое позорное — они теперь без капусты, свеклы да картошки и жить-то не могут. В общем, с избытком хапнули цивилизации, жалко их. Неправильно живут, считает Захар, плохо. Они и медвежатины теперь варят до такой степени зло, что мясо от костей отстает. Опять же никакого скусу.

— Зачем портить мясо? — всякий раз возмущается старик.

— А затем, что от недоваренной медвежатины бывает трихинеллез! — нервничая, поучает Захара младший сын Борис, прозвище которому Горе. — По этой самой причине, слышь, старый, прежде эвенки вымирали стойбищами.

Горе столь высоко взлетел в этой жизни, что отца уже давно не называет папой или отцом только стариком, или, ерничая, «старым безрогим сокжоем», отцом — никогда.

— Однако, сынка, умирали-то из-за плохой водки, — уверен Захар. — Плохие начальники привозили плохую водку, чтобы эвенков меньше стало. Меньше эвенков — меньше обуза и меньше головной боли начальникам.

Да что он может знать про нашу жизнь, этот Горе? У него и кличка соответствующая: наградили еще в детстве, поскольку всегда и непременно всех поучает, вне зависимости от возраста и житейских заслуг, тогда как сам регулярно попадает в дурацкие истории. То ли дело кличка Захара — Белый Сокжой — говорящая. Во-первых, о выигрышных человеческих качествах, поскольку белый сокжой — редчайшее явление. Во-вторых, о том, что Захар рано стал седым — от переживаний во время походов на дизельной подлодке, когда пару раз могли остаться в пучине, да Продя — бог охоты — выручил. Бог и покровитель тоже понимает, что без Захара тайга осиротеет. Что ж, любовь и трепет у них взаимные...

Давно, когда старая была еще молодая и носила Горе в животе, она любила подначивать Захарку: мол, сын-то будет от геолога, — значит, шибко умный. Видать, ей присоветовали так говорить столь же недалекие стойбенные дурехи, решив совсем отвадить от горькой, чтобы Захарка единственно смотрел за оленями, а не за свободными стойбенными деваками, да промышлял собольков на прокорм семьи.

Однако вырос Горе, техникум в Благовещенске окончил, а ума-то особого пока не выказал. Или не стремится выказать. Между тем брехливые бабы довели Захарку до такого состояния, что теперь он воспринимает младшего сына не иначе как байстрюка. Нет, ума Горе не выдающегося, теперь это очевидно. Какой умный будет постоянно поучать отца. Выходит, не от геолога парень, от шурфаля — в то время в аккурат неподалеку от стойбища старатели по релке и руслу реки били шурфы и шарахались по стойбищу, пытаясь сбить небольшие самородки золота, которое обзывали «солнечными семечками». Как бы то ни было, даже Захар, самый терпеливый в мире эвенк, не умеет разговаривать с этим бестолковым амаканом. Злит его младший сын.

Каждым своим действием, даже если намерение бывает направлено на дело доброе. Злит отца и заводит старшего брата.

Так и в этот раз. После вчерашней стычки братьев и вмешательства при той злой сшибке, Захара дабы не накалять обстановку, ушел из поселка затемно. Между тем Горе нагнал его верхом на лошади, когда старик с оленями и собаками уже перевалил становик.

— Зачем пришел? — незлобиво, но коротко спросил Захар, давая понять, что не рад.

— Ты же в поселке целый месяц водку жрал, как бык помой. У тебя и сил-то осталось на две затыжки, один не дойдешь. Вон и мать так же считает.

Трудно говорить с младшим. Очень трудно. В разговоре он цепляется за каждую мелочь, и что бы ему ни сказали — все поперек.

Молча брели почти все светлое время дня. Останавливались ненадолго, мечтая притулиться спиной к поваленной лесине либо выворотню да передохнуть. Перехватив кукуре — вяленого мяса лося и запив его горьким, обжигающим губы чаем, приготовленным на костерке, спешно собранном в укрытом от ветра местечке, кряхтя и вздыхая, вставали и двигались дальше. Захару хотелось еще до первого промежуточного пункта — зимовья на средней Норе — дойти засветло.

Нынче старик особенно зол на сына вот по какой причине. В поселке старый товарищ предложил Захару выбрать из последнего помета «от умной Луны» пару щенят. Он и выбрал, как водится, проверив щенков на живучесть. Вынес их на ветродуй, засыпал крупчатым снегом и взял двух, сумевших самостоятельно выбраться из-под снега. Однако отобрал их лишь до следующего испытания. Главного. Он кладет щенков на столешницу и наблюдает, как те передвигаются, ползают. Того, который, почуввав опасность, умеет вовремя остановиться на краю стола, Захар и берет — навсегда. Упавших — в брак. Такого рода жестокость оправдана, уверен старик. Когда в тайге один на один с медведем, вся надежда на собственную сноровку да охотничьи качества, но не меньше — на собак. Прежде, когда у Белого Сокжоя еще не было полуавтоматического карабина, а была лишь мелкашка, он мог себе позволить

в поднятого собаками на берлоге медведя стрелить до десяти раз. Так здорово, надежно умели «держат» лютого и крайне опасного зверя его собаки. Однако Горе, понаблюдав за «издевательствами» отца над слепыми кутятами, разразился отборной бранью — жалко, видите ли, стало. И это все при старом товарище Захара, с которым они некогда привели семьи на Нору с верхней Буреи. «На самом деле, выходит, от шурфаля...» — нешуточно рассердился старик. Впрочем, настроения своего не выказал. Не зря, видно, в стародавние времена корреспондент областной газеты, побывав в стойбище, понаблюдав за укладом жизни, в газетной статье назвал Захара гордостью малого народа. Полторы сотни собольков в ту пору — в период между рождением сыновей — отлавливал за зиму Белый Сокжой. Герой газетных полос. Однако бумага тех газет уже давно обидно пожелтела. Вспоминая о былом, Захар вздыхает, не замечая, как его сына это все больше злит.

Продолжили идти неспешно, молча, покуда не заметили на снегу следы. Случайный в тайге человек мог бы подумать, что прошел двуногий в валенках. Ведь лишь приглядевшись, можно различить оттиск когтей. Откуда, казалось бы, в феврале быть на снегу следам медведя? Захар рассуждает: «Амакан поднялся из берлоги рановато. Может, напугал его кто, или же он больной, может, жирку недобрал». По следам видно, что косолапый шел неспешно; брел, успевая местами пригнать и ободрать осинку, чуть подрить да перехватить кое-каких кореньев. Но лишь чуть-чуть. Значит, вернется в берлогу, решил старик. Он остановился, огляделся и прикинул, куда мог идти медведь, где может быть его берлога. Если берлога рытая, то вместе с сыном на лыжах они могли бы подобраться к жилухе медведя на выстрел. Но если берлога верховая — под вывороченной лесиной, в местечке ближе к подошве горы или увала, где звук шагов громкий, словно бубен шамана, то шансов у них маловато. К тому же выходило: мишка прошел не так давно, может, накануне вечером.

Некоторое время Белый Сокжой вел оленей цугом. Впереди сам, сзади на лошади — Горе. Но затем следы медведя повернули резко в обратном направлении. И целый час преследователи амакана шли параллельно своим и медвежьим следам, покуда не пришли к месту,

где Захар понял: мишка сделал петлю намеренно. Косолапый захотел поглядеть, кто пытается его тропить. Кто пойдет по следу. Тем временем сам залег чуть в сторонке и наблюдал за медленно бредущими следом за ним. Увидев, понаблюдав, амакан на махах ушел в чащобу. Специально заберется в непроходимые дебри, попробуй продержись с оленями в упряжи. Пришлось распрячь оленей.

— Э-э, Белый Сокжой, медведь сделал тебя, будто несмышленного ребенка из поселкового интерната. Совсем уже древний сокжой, совсем из ума выжил, — недружески посочувствовал Горе. Хоть не похлопал по спине, снисходительно и свысока, как стойбенного дураля. И за то спасибо. Но Захар сыну не ответил. Борис больше учился не в тайге, а в интернате и в городе. Там учат иначе, нежели здесь. Видно, ему, старику, этого своим замшелым умом не понять. Правда, все-таки бесит, когда Горе кличет отца как равного, а порой ерничая либо откровенно издеваясь. Старик вздохнул: в других семьях ребятшек хоть из тайги, хоть из стойбища — в интернат не выгнать, а тут было все с точностью до наоборот.

— Давай сделаем петлю, старый. Я сейчас пойду и загоню глупого медведя. А ты будь готов встретить его, когда рванет своим следом, — объявил сын и, не дождавшись ответа, ускакал вперед.

Захар продирается по ерникам, идет временами в обход — на опережение, но чаще прямо по следам медведя. Понимает — чревато, но все время приходится думать о безопасности шального сына. Медведь — зверь серьезный, и пусть уж лучше он на опытного Белого Сокжоя набросится, чем на бестолкового Бориса, — рассуждает бывалый эвенк, идя по следу, в возбуждении поправляя ремень скорострельного карабина, проверяя, наполнена ли обойма. И тут впереди раздались выстрелы. Борис стреляет как всегда не жалея патронов. Было в обойме десять — десяток и выстрелил.

Между тем, пройдя еще сколько-то по следу, Захар вдруг наткнулся на только что оставленную берлогу, еще дышавшую теплом. Вышло так: чуток подкрепившись, и, странное дело, презрев опасность или не посчитав ее серьезной, медведь все же залег. И теперь его подняли выстрелы. Далее рассчитывать на подарок судьбы не приходится. Другого шанса амакан не даст, поскольку, действительно,

опытный. Посокрушавшись, старик направился на выстрелы. Через полчаса вышел на марь, где Борис заканчивал разделывать косулю.

— Табушок был штук на двенадцать. Но уж больно шустро уходили. Только одну и зацепил, — сообщил явно взбодренный и взволнованный удачей Борис и глянул на отца, как смотрят кормильцы, — нарочито устало, снисходительно: мол, как я устал горбатиться на вас, как вы все мне... дороги.

К полуночи они добрались-таки до промежуточного зимовья. Горе, приказав старику заниматься по хозяйству, сам отправился на лошади в поиск: «Прошлой осенью нашел свежую берлогу. Медведя в ней не оказалось, однако она уже была выстлана ветошью, мхом и сухими листьями. Добуду я тебе, хромой сокжой, косолапого». И вышел. Захар долго стоял, тупо глядя на дверь, голова его непроизвольно покачивалась в нервном тике, затем он будто очнулся, махнул рукой, спроваживая наваждение, занес, было, руку, чтобы перекрестить дверь, как это делал командир их подлодки, последним ступив на трап, брошенный от пирса к рубке субмарины — на дорожку, на удачу и от излишних случайностей, а то вечно с Борисом что-то приключается: «Эх, горе ты мое, горе...»

Растопил металлическую печь, она сколько-то посопротивлялась, подымила, но после приговора Захара, похожего на молитву, перестала дымить, на колосниках весело заиграл, заискрил огонь. Белого Сокжоя отпустило.

Вода в кастрюле вскипела, первые бульки обмыли выступающие части большого куска, и стали всплывать вареные сгустки крови. Старик берет мясо, срезает обваренные кипятком края ножом и возвращает кусок кипятку, чтобы тот еще поработал, постарался — теперь уже для сына, для Бориса. Захар хватнул глоток из фляжки, подарка старшего сына, которого Белый Сокжой всякий раз благодарит, отвинчивая пробку сосуда из белого металла с позолоченными инкрустациями на уплощенных боках и надписью с тыльной стороны на иностранном языке. Золото пообтерлось, однако фляжка служит уже с десятков лет и старика не подводила ни разу, поскольку влаги в ней всегда хоть сколько-то да бултыхается.

Захар поел. А не сильно-то и поешь: зубов, почитай, не осталось. Пока мучился, пытаюсь насытиться, в башку пришла глупая мысль: может, правы его ровесники, в зимнюю пору предпочитают оставаться в поселке. Жуют себе картошку да капусту, такую пищу рвать зубами не надо — сама внутрь падает.

Старика сморило. Лежа на нарах, он наблюдал, как пляшут в печи языки пламени, да так и уснул. Правда, сон, как водится, чуткий, а тут еще мышка покою не дает — в зимовье теплей, и ей веселее. И кутенята в холодном углу поскуливают. Захар сполз с нар, настроил мышеловку, бросил пару тыквенных семечек на приваду и попытался уснуть. Щелкнула мышеловка, старик вздрогнул. Воцарилась умиротворяющая тишина. Но ненадолго. Как-то по-особенному жалостливо заскулили кутенята. Захар шепотом посочувствовал щенкам, поговорил с ними, пообещав новую мамку, у которой «мынога молока». Только это будет послезавтра, когда они доберутся до стойбища.

Однако покоя нет. Скоро рассвет, а Горе всё не возвращается. Старик вышел из зимовья и дважды выстрелил в воздух. Подождал, затаив дыхание и не шевелясь, но ответа не последовало. Еще постоял, попереминаясь с ноги на ногу, не разрешая себе мерзнуть, послушал песни волков и вернулся в зимовье. Лежа на нарах, рассказывал себе таежную правду про то, что сын не знает и не желает знать тайги, что утром нужно будет отправляться на поиск. «Конечно, — рассуждал Белый Сокжой, — зачем Горю тайга насовсем? У него в городе горячая вода из крана течет, и нет нужды кормой причаливать в сугроб. Летом туда-сюда по Зее на пароходе сходил, а на зиму — к отцу в тайгу, как на экскурсию да на откорм. Может, и Захару в город податься? Какой ни бракованный сын, а к себе жить зовет. И невестка не против. Захар временами и сам к тому склонялся. А теперь даже и решил: объявится сын, и вместе — обратно в поселок. Хватит! Вот если бы в тайге осталось больше лосей, изюбров да соболей, то старик попытался бы себя уговорить остаться. А так... нет, — в поселок. Или даже в город! Или все-таки для начала в поселок? Он как-то удачно расположен между городом и стойбищем, легче вернуться. В тайгу.

Но тут вернулся Горе и прервал течение неспешной мысли.

— Заблудился? — коротко и миролюбиво спросил старик сына.

— Нет, нашел берлогу. Но другую. Сунул палку — он засопел, — Борис набросился на еду, не переставая эмоционально делиться волнениями по случаю встречи с опасным зверем. Захар не очень-то и поверил сыну. Такое бывало: наговорит-наговорит, а на деле — пшик. Сыновы эмоции остынут, быстро забудет, а Захару от всего этого сделается неловко, и чувство то не оставляет долго, лижет сердце, выматывает душу. В этот раз Горе не дал отцу расслабиться: мол, добираться долго, поэтому, чтобы вернуться засветло, надо затемно выйти. Вышли.

Борис излишне суетлив, ему непременно хочется оторваться от спокойного и рассудительного старика, который своей аборигенной степенностью уничтожает психику сына: «В таком замедленном ритме люди нигде в мире уже давно не живут!» Борис не выдерживает пытки и гонит лошадь вперед. Следом устремились собаки. Впереди марь, за ней в ста метрах взгорок. Берлога рядом. Это видно и по первозданному снегу. Ведь обычно вблизи берлоги не бывает никаких следов копытного зверья, сторонящегося таких мест, даже если тут у них были набиты вековые тропы.

Вот и берлога. Заволновались собаки. От дыхания спящего медведя устье берлоги и близко стоящие кусты покрыты желтоватым «никотинным» инеем. Следов «босого» у входа в берлогу нет, только следы охотника, — значит, хозяин здесь.

...И вот уже на лай собак медведь из логова отвечает ревом, в горловине мелькают когтистые лапы рыжего, ему хочется зацепить досаждающих и злящих собак, но выбираться наружу хозяин не спешит, — может, обойдется, хотя уже примешан в воздух непонятный, отличный от собачьего, дух, и это тревожит больше и больше. Собаки совсем доконали, и медведь высовывает из берлоги то голову, то лапу, желая захватить ею досаждающую собаку, сон как рукой сняло, он готов выйти и примерно наказать. Но собаки у Захара опытные, их никак не удастся схватить.

И все-таки будь сын хоть чуточку менее суетлив, куда спокойней были бы и собаки, а так паника Бориса передалась хвостатым,

собаки на охотничьем кураже делают опрометчивые выпады в сторону крупного зверя, все больше рискуя. Нет плана, и собаки понимают, что его нет, все чаще оглядываются, обращая взгляд на заместителя хозяина: «Ну, что же ты медлишь, пора выпускать на волю стальных мух?!» Но тут проворно и резво огромный медведь выскочил из берлоги, набросился на ближнюю собаку, как на самое ненавистное существо. Трудно было себе представить, что медведь может быть столь большим! Это был самый удобный случай решить дело точным выстрелом, однако Борису в нутро пробралась паника, и он роковым образом промедлил. Одним движением рассерженный хозяин порвал замешкавшую собаку, заметался вокруг горловины берлоги, намереваясь догнать и разделаться с другой. Борис в оцепенении наблюдал за происходящим. Вдруг, будто что-то вспомнив, медведь резко остановился напротив Бориса, заглянул ему в глаза, — возможно, желая высказать нелицеприятное, накопившееся за минуты общения с непрошеными гостями, — легонько махнул лапой, будто желая поправить Борису прическу, но тотчас обмяк, словно потеряв интерес к стоящему на задних лапах непрошеному гостю. Обмяк и завалился вперед — на молодого охотника. Хозяин тайги мирно лег, крови пока не видно, собака умотала встречать Захара, а под шкурой медведя продолжают некие процессы, и молодой охотник, придя в себя, поспешил выбраться из-под зверя. В отдельные моменты гигант чуть вздрагивает, в животе у него урчит, исходит жидкость и весь его вид будто говорит: я спокойно спал, а тут нелегкая принесла непрошенных гостей и все испортила; ушатали вы меня, чуток отдохну на снегу, да и пойду в берлогу досыпать.

Неспешно от мари поднялся на взгорок Белый Сокжой. Присев на корточки, приподнял голову лежащего рядом с медведем сына, осмотрел раны, поцокал языком и вернул голову на снег. Затем отошел к оленям, связал в одну тягловую силу лошадь и оленей, вернулся к сыну, заставил его подняться и сесть на лошадь. Услышав негромкую, но обязательную к исполнению команду Захара, караван отправился в путь. Борис прикладывает к лицу снег и с сожалением понимает, что рана неглубокая, снег уже и не кроваво-красный, а

розовый, даже бледно-розовый. Между тем, Горе стал прикидывать, как он будет гордиться такими ранами, как станет рассказывать о схватке с медведем и о победе. Отец не болтлив и уж точно никому не расскажет, что на самом деле все происходило, как смалодушничал сын, как выручил Белый Сокжой.

— Слышь, отец, а чего ты шкуру оставил, желчь и мясо, не похозяйски как-то, а?

— Идти близко стойбище, потом вернусь, вертолета надо — рана плохой.

— Слышь, Белый Сокжой, а со сколько метров ты стрелял? Мне показалось метров с четырехсот, а?

— Не-а, мала меньше.

— А я тебе говорю, с четырехсот и ни метром меньше!

— Не-а, мала меньше.

— А я тебе говорю, полных четыреста. Вот махровый дундук! Не меньше как по стадиону круг пробежаться. В аккурат четыреста! Я на физкультуре бегал быстрее всех в техникуме...

— Не-а, мала меньше...

В стойбище сына осмотрела Галина, жена Захарова брата, учившаяся в свое время на акушера. Не найдя ничего опасного, свояченица отсоветовала вызывать вертолет, но предложила Горю отправиться в поселок вместе с ее мужем, едущим на большую землю за продуктами: мол, составь компанию, перестрахуйся, хорошо бы толковому хирургу показаться.

У излучины реки, где Нора будто бы начинает бежать вспять, Захар простился с сыном. «Рана, бать, пустяковая, но ехать надо — время готовить карабель к навигации». Старик посмотрел вслед удаляющемуся на лошади сыну и в какой-то миг едва удержался, чтобы не пойти следом, сделал шаг-два — и остановился.

Почти созрел, почти готов был последовать. Но не сумел договориться с собой. «Если бы не эти чертовы капуста да картошка, жить бы можно и в городе. Живут же другие. Мучаются, но живут».

2000 г.